
ПЕРВОФАНТАЗМЫ

Каннибалистическая фантазия и вопросы идентификации

О. А. Кальчева

Кальчева Ольга Алексеевна – психолог, преподаватель психологии, методист в АНО ДПО «Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах», дополнительное образование в области психоанализа, ассоциированный член Московской психоаналитической ассоциации (МПА).

Бессознательное, в психоаналитическом понимании, содержит наследуемые архаические следы примитивной психической организации первобытных людей. Первофантазм каннибалистической трапезы, описанный Фрейдом, является таковым, а именно структурирующим психическим элементом, который существует до зарождения структуры субъекта и имеет символическое значение в развитии мышления. Каннибалистическая фантазия тесно связана с первофантазмом первосценны, с вопросами зарождения жизни, обладанием объектом, задачами идентификации и бессознательным чувством вины. Говоря о роли каннибалистического первофантазма, мы можем подумать об истоках амбивалентности влечений, о бессознательном психическом акте поглощения и разрушения, а также о сохранении и присвоении качеств орального объекта. Овладение агрессивными влечениями, наряду с любовью к объекту и последующим отказом от инцестуозного объекта любви, является психической судьбой индивидуума.

Ключевые слова: первофантазм, каннибалистическая фантазия, убийство первобытного отца, покаяние, амбивалентная фаза развития влечений, агрессивные влечения, идентификация, инкорпорация, интеграция агрессивных импульсов, любовь, ненависть, бессознательное чувство вины, obsессивный невроз, Сверх-Я.

Мы находимся в поле психоанализа, где первофантазм (Лапланш, Понталис, 2010) является филогенетически наследуемой структурой, вокруг которой организуется «психическая реальность» субъекта. Психическое развитие связано с развитием фантазирования, воображения, мышления, речи.

Способность мыслить, выражаться посредством речи (слов) стоит на страже принципа сбережения экономики психических процессов. Мышление призвано помочь «душевному аппарату переносить повышенное возбуждение при отсрочке отвода» (Фрейд, 2007, с. 3) (отсрочка прямой разрядки). Благодаря введению принципа реальности сложились благоприятные условия для связывания свободно перемещаемых катексисов и перехода от первичного процесса к вторичному.

Мир фантазии и воображения связан с желаниями, которые влекут и движут человека и требуют своего удовлетворения. Нетрудно заметить, что в обычной жизни одни желания могут быть удовлетворены посредством выполнения действия, церемониала, свершения события, организации и проведения совместных с другими людьми мероприятий, торжеств. Другие желания, остающиеся неосознаваемыми (вытесненные инфантильные), являются причиной испытываемого беспокойства и тревожности. Защищаясь от давления желаний, Я развивает психические защиты, которые позволяют желаниям реализоваться в работе сновидения, в образовании симптома, навязчивых и болезненных состояний (в переработанном виде, посредством смещения и сгущения), компромиссных образований. Здесь мы наблюдаем деление на два мира: мир внешний – реальной жизни и мир воображаемый, который в психоанализе относят к «психической реальности».

В архаических слоях бессознательного обнаруживается начало начал психического – первофантазмы (первосцена, соблазнение, кастрация, возвращение в утробу матери, каннибалистическая трапеза), которые никогда не покидали бессознательного. Они являются на сцену в ходе психоаналитической работы в результате реконструкции и работы воображения, переработки влечений в сексуальные влечения. Фрейд допускает «сосуществование в одном ряду с эдиповым комплексом первофантазма: на этот раз субъект не встречает структуру, а движим ею, но, напомним, внутри фантазма и именно как конфигурации бессознательных желаний, а не в качестве члена возможных комбинаций» (Лапланш, Понталис, 2010, с. 260).

«Фантазирование есть фундаментальная психическая активность, движущей силой которой является желание или, точнее, желание, не удовлетворенное в реальности. Фрейд связывает его появление в психической жизни с введением принципа реальности. Последний очень быстро устанавливается в области влечений Я: галлюцинаторное удовлетворение пищевого желания скоро разочаровывает. Напротив, сексуальные влечения могут легче избежать этого, определенные модальности мышления используются для их воображаемого удовлетворения, которое и является фантазированием» (Патопсихология. Психоаналитический подход, 2008, с. 105). Буланже отмечает, что открытие психической реальности привело Фрейда к отказу от теории травмы реального акта соблазнения, следствием стало открытие роли в образовании невроза «другой реальности (психической): реальности инцестуозного желания, эдипова комплекса и его вытеснения» (Патопсихология. Психоаналитический подход, 2008, с. 105).

Фантазия содержит в себе: воплощение инцестуозного вытесненного желания, аффект, переработанный во влечение, мнестический след удовлетворения, акустические осадки слов, символические образы первичных объектов – и разыгрывается по вписанным в психическое конструкциям первофантазмов. Такими основными сценариями являются: первосцена, соблазнение, кастрация. Реконструкция первосцены описана в работе З. Фрейда «Из истории одного инфантильного невроза» (1918). Первофантазмы лежат у истоков мышления, пробуждают любопытство, интерес открывать вопросы и искать объяснения о собственном происхождении, о сексуальности, разности полов. Другие первофантазмы – каннибалистический (поглощение) и возвращение в утробу матери (смерть) – лишь мельком появляются в работах Фрейда. Попытку проиллюстрировать все первофантазмы Фрейд предпринял в упомянутой выше работе, описывая психоаналитическую работу с Человеком-Волком, но ведущим фантазмом остается первосцена.

В текущем докладе предпринимается попытка прояснить психоаналитическое содержание фантазии «каннибалистическая трапеза», которую З. Фрейд описал в работе «Тотем и табу (Некоторые соответствия в душевной жизни дикарей и невротиков)» (1912–1913).

Понятие каннибализма знакомо человечеству давно и связано с первичной потребностью утоления голода. В этом акте нет ничего символического, что могло бы привлечь взгляд современного психолога, если бы не те аффективные ощущения и переживания, которые возникают, когда воображение рисует оживающие картины поедания человеческой плоти.

Будучи наследием прообраза первобытной орды, каннибалистические картины лежат в архаических глубинах человеческого. Окаменевшие, невыразительные, они не тревожат тела и души, пока человек не коснется их своим воображением.

Фрейд пишет, что для «дарвиновской первобытной орды» характерно лишь наличие жестокого, ревнивого отца, «который владеет всеми самками и отгоняет от них подрастающих сыновей, и ничего более» (Фрейд, 2008, с. 426). Как если бы не было ничего, кроме повторения действия в цепочке: потребность (голод, половая потребность) – утоление потребности (поглощение, половой акт), что с психоаналитической точки зрения могло бы соответствовать немедленной разрядке, навязчивому повторению, описанному в «Добровольных галерщиках» Ж. Швеком (2015).

Наследием первобытной орды остаются примитивные организации у некоторых племен, пишет далее Фрейд, – «это мужские союзы, состоящие из равноправных членов и подлежащие ограничениям тотемической системы при наследовании по матери. Могло ли произойти одно из другого и каким образом это было возможно? Ссылка на праздник тотемной трапезы позволяет нам дать ответ: как-то раз изгнанные братья сговорились, убили и съели отца и тем положили конец отцовской орде» (Фрейд, 2008, с. 426).

Для человека современного воображаемые картины из жизни дикарей-каннибалов, которые, врываясь в восприятие, будоражат, аффективные переживания мгновенно затапливают все существо. Ощущения

окрашиваются яркими тонами – от отвращения до смакования – и несут в себе спонтанные побуждения к ответным действиям (актам): отвернуться, убежать, выbleвать, наряду с побуждением хватать, рвать, глотать.

Каннибалистическое для современного человека включает в себя:

- непосредственное питание,
- религиозный аспект (ритуал),
- суеверие,
- символическое значение.

Символическое значение сцены убийства и поедания отца обнаруживается далее у Фрейда в «Тотем и табу» (1912–1913): «Объединившись, они (братья) осмелели и совершили то, что было бы не под силу каждому в отдельности. То, что убитого они еще и съели, вполне естественно для дикарей-каннибалистов. Жестокий праотец, несомненно, был образцом, которому завидовал и которого боялся каждый из братьев. Теперь в акте поедания они осуществили идентификацию с ним, каждый присвоил себе часть его силы» (Фрейд, 2008, с. 426).

Перед нами встает путь, по которому пошло человечество и каждый индивид отдельно в своем эмоциональном развитии – путь поглощения и идентификации, присвоения чувств, от фазы примитивной агрессивности и до жестокости желаний, направленных на объект, к комплексу противоречивых чувств к отцу: «...они ненавидели отца, который стоял на пути их потребности во власти и их сексуальных притязаний, но они также любили его и им восхищались» (Фрейд, 2008, с. 427). Убийство отца утолило их ненависть, поедание его плоти удовлетворило потребность владеть его качествами, лишь нежные побуждения к отцу не нашли ответного действия. Выразить свою нежность к отцу братья смогли, раскаявшись, «возникло сознание своей виновности, которое здесь совпадает с пережитым всеми раскаянием» (Фрейд, 2008, с. 427).

Далее Фрейд рассуждает, что укрепление мертвого отца произошло через создание образа тотема, раскаяние проявилось в форме двух запретов тотемизма: не прикасаться к освободившимся женщинам отца и не убивать тотемное животное, что совпадает с вытесненными желаниями эдипова комплекса. Здесь мы дошли до объяснения рождения амбивалентной фазы в развитии влечений. Можно выделить два направления преобразования влечений: первое – образование социальных организаций, нравственные ограничения (покоится на запрете на инцест с желанными женщинами, ради которых был убит отец), второе – создание религии (запрет на убийство, проявление послушания, ради усмирения чувства вины). Подавление ненависти и культивирование покорности (любви) касательно одного объекта делают невыносимыми страдания невротиков. Запрет на прикосновение, крайняя амбивалентность чувств ярко выражаются в симптомах навязчивых мыслей, суеверий, навязчивых повторений у обсессивных невротиков. Они вынуждены удерживать далеко друг от друга представление и аффект, вытесняя самую связующую ассоциативную нить. Безумные комбинации навязчивых мыслей сводят их с ума, лишают способности трудиться, учиться, любить, создавать пары, принимать решения. «Бесконечные сомнения невротиков являются следствием

конфликта сильной любви к объекту и столь же сильной ненависти, приводящим к частичному параличу воли и неспособности совершать поступки. За счет смещения это торможение может распространиться на все сферы жизни пациента» (Фрейд, 2007, с. 16).

Агрессивные влечения оживляют сцену «каннибалистической трапезы» (поглощения) и побуждают подумать об их источнике и судьбе, наряду с вопросами идентификации.

Психический каннибализм отсылает к исследованию вопросов оральной фазы психосексуального развития по З. Фрейду, орально-садистической стадии по К. Абрахаму. Оральная стадия психосексуального развития берет свое начало в базовой потребности утоления голода, выживания, когда непосредственно физиологический процесс питания предшествует развитию психического мира новорожденного.

Голод побуждает новорожденного отправиться «на охоту», быть жестоким, требовательным агрессором по отношению к материнскому соску, молоку. Первая «охота с добычей» сменяется второй, третьей... пока действие не превратится в своеобразный ритуал поиска иного рода наслаждения, через снятие голодной боли живота. Д. Винникотт связывает развитие личности с развитием эмоциональным, интеграцией чувств, и прежде всего с последовательной интеграцией агрессивных импульсов. Он отмечает, что агрессия ребенка, которая толкает его вырваться из утробы матери, побуждает захватить сосок материнской груди своим ртом, хаотично трепыхаться и толкаться, не означает желание причинить боль, не несет в себе личностного агрессивного желания. Подобная агрессивность есть лишь синоним деятельности, физиологической активности и является первоначальной стадией до-интеграции, где цель не осознается. Этот период занимает лишь первые часы, дни, возможно, несколько недель, которые предшествуют началу организации личности, Я новорожденного. Это время крайне важное, базовое, ибо непризнание, неподдержание врожденной агрессии как будущей активной составляющей любви может повлечь трудности в социальной адаптации и успешности. Следующая ступень развития Эго и присвоения агрессивности, по Винникотту, сопряжена с интеграцией, опознаванием цели, появлением чувства вины (Винникотт, 2019). Третья ступень является завершающей. Преобразованная агрессивность участвует в межличностных отношениях, в ситуациях треугольника, образовании конфликтов. Винникотт относит агрессивность к неотъемлемой составляющей в деле интеграции личности (Винникотт, 2019).

Обратимся снова к понятию каннибализма. Психический каннибализм может быть представлен как попытка найти и овладеть объектом, удовлетворяющим частную потребность (нужду) субъекта в разрядке возбуждения – по типу утоления голода. Механизм инкорпорации – захват и проглатывание – идет рука об руку с первичной идентификацией – быть тем, что я проглотил, а также интроекцией, помещением вовнутрь. Из психоаналитической теории Фрейда известно, что психический аппарат функционирует благодаря преобразованию энергии «неудержимой силы инстинкта» в сексуальную энергию и, на уровне психического, вложению

либидинального влечения в репрезентацию удовольствия, из которого строится Я субъекта, устанавливается «власть... в рамках человеческой сексуальности... то, что меняет объекты, выбор, цели, позиции... Стать хозяином и властелином природы и в первую очередь обладателем женщины!» (Андре, 2022, с. 19).

В «Трех очерках по теории сексуальности» Фрейд (1905) пишет: «Знакомство с историей человеческой культуры не оставляет места сомнениям – действительно, половое влечение теснейшим образом связано с жестокостью. Однако поиски объяснения не продвигаются дальше настойчивых констатаций: агрессивность – одна из сторон либидо. Некоторые авторы считают элемент агрессивности в половом влечении пережитком эмоций, свойственных каннибализму, то есть констатируют, что в осуществлении полового влечения участвует аппарат овладения объектом, поначалу служивший для удовлетворения весьма важной онтогенетически более древней потребности человека – в пище. В работах других исследователей утверждается, что всякая боль несет в себе возможность неких приятных ощущений» (Фрейд, 2017, с. 65). В «Трех очерках по теории сексуальности» Фрейд мало говорит о роли матери, больше об отце. Образ отца является базовым для идентификации у Фрейда.

Вообразим мать, которая ждет, желает спящего младенца, когда он проснется, чтобы кормить его, чтобы разделить с ним что-то принадлежащее ей – молоко, грудь, она грезит о том, что будет поглощена, высосана. Наслаждение матери ребенком, опустошающим ее грудь, симметрично наслаждению младенца, захватывающего сосок груди, глотающего молоко матери. Мать и младенец проживают взаимное наслаждение, но несколько отлично. Вернемся к фантазии «тотемической трапезы»: вождь поедает с другими членами племени убитое тотемное животное, принадлежащее божееству – сырое мясо, кости, кровь, – в этой сцене есть равенство: божеество – тотемное животное – вождь. Это сближает человека и божеество, человек обретает те же качества, что и божеество, поедая одну и ту же с ним жертвенную пищу.

Здесь недалеко и до обнаружения образа отца, который на время грудного вскармливания делится со своим ребенком (ребенком племени – семьи) грудью принадлежащей ему женщины. Одна женщина-наложница для всего племени. Ребенок получает не только молоко, но и нечто, что сопровождает процесс прикосновения и сосания груди, что-то, что делал мужчина-отец, доставляя наслаждение матери ночью. Незримо отец присутствует в ритуале кормления, в грезах матери по касанию к ней ее мужчины. Это нечто является другого порядка наслаждением, символическим наслаждением, основанным на взрослой сексуальности пары мужчины и женщины – образы, перетекающие в психическое ребенка на оральной фазе психосексуального развития.

Основная задача орального периода развития – «установить базовую идентичность субъекта». В помощь реализации этой задачи развития личности вступает идентификация – это установление аффективной деятельности, первичного общения-контакта с матерью. Это краткий период, когда идентификация не защита, а скорее помощник. Идентификация

известна нам как защитный психический процесс Я, с помощью которого обособляется личность, идет присвоение качеств, черт, свойств желанного объекта, происходит строительство по образу другого. Идентификация, наряду с инкорпорацией, в случае утраты объекта участвует в оральном поглощении объекта, при организации меланхолии, описанной в работе Фрейда «Горе и меланхолия». Субъект заглатывает объект и идентифицируется с утраченным объектом. Спасает свое Я, предлагая себя в качестве объекта любви. Усиление амбивалентных чувств обнаруживается в самоупреках, которые адресованы утраченному объекту (Фрейд, 2007).

Бержере (2008) выделяет: первичную идентификацию, вторичную идентификацию, идентификацию своих объектов с объектами группы. Первичную идентификацию он связывает с оральной инкорпорацией, прегенитальным действием, где объект проглатывается без предварительного разделения на нежность и враждебность, на себя и не-себя, основной задачей выступает установление базовой идентичности субъекта. Вторичная идентификация ознаменована наступлением эдиповой фазы. Цель – «утверждение сексуальной идентичности субъекта со всеми возможными психопатологическими трансформациями» (Патопсихология. Психоаналитический подход, 2008, с. 134). Происходит последовательный отказ ребенка от инкорпорации любимого родителя, от фантазии сексуального отношения с ним. Ребенок находит утешение, овладев качествами, которые этот объект представлял для него. «Вторичные идентификации, связанные с родителем того же пола, обычно направлены на дополнение и генитальную организацию первичных идентификаций и прокладывают путь последующим отношениям настоящего объектного и генитального типа» (Патопсихология. Психоаналитический подход, 2008, с. 135). Третий тип идентификации описан Фрейдом в работе «Психология масс и анализ Я», идентификация происходит через заражение и имитацию, «вне всякой прямой либидинальной связи». «Истерическая» идентификация, четвертая, касается только одного общего аспекта для субъекта и объекта.

Центральным вопросом орально-садистического периода развития индивидуума остается открытие и присвоение либидинальных качеств объекта, наряду с собственными агрессивными влечениями. Разворачивается интрапсихическая борьба, в которой рождается собственное Я субъекта, полное страстей и желаний, конфликтов возможностей и ограничений, идентичности и разности.

Открытие субъектом дуальности влечений к одному объекту отсылает нас к связи между каннибалистическим фантазмом и инцестом с матерью. Мать, которая принадлежит другому. Каннибалистический фантазм в своем развитии восходит к эдиповой проблематике и актуализирует фантазмы первосцены, где завладение вождленным объектом ограничивается присутствием третьего – отца. Ребенок обречен совершить убийство отца (психического), дабы покаяться и в этом покаянии обрести способность выдерживать чувство вины, обрести совесть, отказаться от сексуальных притязаний на желанную фигуру родителя, интегрировать запрет на инцест и закон отца в инстанции Сверх-Я. Справиться

с переработкой абивалентности влечений, признать свое место и хранить бережно в бессознательном фантазмы инфантильной сексуальности до времен наступления пубертата.

Древнему человеку предстояло познать себя и договориться с собственной агрессией и страстью, любовью и ненавистью, совершить убийство и покаяться, принять судьбу вечности душевной муки между стремлением владеть (разрушать) и чувством виновности. Прошли тысячелетия. Со свойственной бережливостью наше психическое бессознательное хранит прообразы былых сцен первобытной орды, чтобы опереться на них, когда нам потребуется пережить горе или влюбленность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андре Ж.* 100 слов психоанализа. М.: Когито-Центр, 2022.
2. *Винникотт Д. В.* От педиатрии к психоанализу // Агрессивность и ее связь с эмоциональным развитием. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2019.
3. *Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу // Первофантазии, первофантазмы. М., СПб.: Институт общегуманитарных исследований, 2010.
4. Патопсихология. Психоаналитический подход / Под ред. Ж. Бержере // Ж.-Ж. Буланже. Метапсихологический аспект. М.: Аспект Пресс, 2008.
5. *Фрейд З.* Вопросы общества и происхождение религии // З. Фрейд. Тотем и табу (Некоторые соответствия в душевной жизни дикарей и невротиков) (1912–1913). М.: Фирма СТД, 2008.
6. *Фрейд З.* Навязчивые состояния. Человек-Крыса. Человек-Волк // А. Куликов. Когда утрачиваются различия между мыслью и действием. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2007.
7. *Фрейд З.* Психика: структура и функционирование // З. Фрейд. Печаль и меланхолия (1917 [1915]). М.: Академический проект, 2007.
8. *Фрейд З.* Психика: структура и функционирование // З. Фрейд. Положение о двух принципах психического события (1911). М.: Академический проект, 2007.
9. *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2017.
10. Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина // Ж. Лапланш, Д.-Б. Понталис. Первофантазм. Фантазм первоначал. Первоначало фантазма. СПб.: Питер Принт, 2005.

Cannibalistic Fantasy and Identification Issues

O. A. Kalcheva

Kalcheva Olga A., psychologist, psychology teacher, methodologist at the ANO DPO "Institute of Psychology and Psychoanalysis on Clean Ponds", additional education in the field of psychoanalysis, associate member of the Moscow Psychoanalytic Association (MPA).

The unconscious, in the psychoanalytic sense, contains inherited archaic traces of the primitive mental organization of primitive people. The primal fantasy of the cannibalistic meal, described by Freud, is such a structuring mental element that exists before the origin of the subject's structure, and has a symbolic meaning in the development of thinking. Cannibalistic fantasy is closely connected with the primal fantasy of the primal scene, with questions of the origin of life, the possession of an object, identification tasks and an unconscious sense of guilt. Speaking about the role of cannibalistic primal fantasy, we can think about the origins of the ambivalence of drives, about the unconscious psychic act of absorption and destruction, as well as about the preservation and appropriation of the qualities of an oral object. The mastery of aggressive drives, along with the love of the object, and the subsequent rejection of the incestuous object of love, is the psychic fate of the individual.

Keywords: pervofantazm, cannibalistic fantasy, murder of the primitive father, repentance, ambivalent phase of the development of drives, aggressive drives, identification, incorporation, integration of aggressive impulses, love, hate, unconscious guilt, obsessive neurosis, Super Ego.